

Арлен Блюм. Зарубежная литература в спецхране[1]

1 Имеются в виду произведения, переведенные на русский язык.

Отделы специальных фондов крупных библиотек советского времени, получившие обиходное название "спецхраны", — уникальные в своем роде образования, не имевшие, кажется, аналогов в мировой библиотечной практике, во всяком случае, с точки зрения их необозримых масштабов.

Как свидетельствует справка, подготовленная в 1987 году сотрудниками Отдела спецфондов Российской национальной библиотеки, в этом отделе содержалось, выражаясь библиотечным языком, до 800 тысяч единиц хранения (справедливее и точнее следовало бы сказать "единиц захоронения"): около 27 000 отечественных книг, 250 000 иностранных изданий, 572 000 номеров иностранных журналов, около 8 500 годовых комплектов иностранных газет — настоящая "библиотека в библиотеке", едва ли не каждая десятая книга.

О спецхранах довольно много писали (в том числе и автор этих строк) на рубеже 80-90-х годов, когда наконец сами они постепенно стали подвергаться расформированию и ликвидации. Стоит все же кое-что напомнить... Уже через год после своего создания, в мае 1923-го, Главлит РСФСР разработал и разослал "Инструкцию о порядке конфискации и распределения изъятой литературы".

Вот только два её пункта: "Изъятие (конфискация) открыто изданных печатных произведений осуществляется органами ГПУ на основании постановлений органов цензуры... Произведения, признанные подлежащими уничтожению, приводятся в ГПУ в негодность к употреблению для чтения, после чего могут быть проданы как сырье для переработки в предприятиях бумажной промышленности с начислением полученных сумм в доход казны по смете ГПУ".[2]

2 РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 2. Д. 9. Л. 7.

Так что "библиоцид", если позволительно употребить такой термин, приносил даже кое-какой доход молодой советской республике и её славным органам.

С той поры контроль над содержанием библиотечных фондов и ассортиментом продаваемых книг на протяжении многих десятилетий считался одной из самых главных задач органов цензуры. Для этой цели выпускались поначалу закрытые приказы и циркуляры, а затем, с конца 30-х, — "Сводные списки книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети". Все книги, вошедшие в них, подлежали не только "исключению", но и уничтожению в массовых библиотеках и книготорговой сети.

Для крупных книгохранилищ, начиная с областных, сделано было некоторое послабление: по одному-два экземпляра разрешалось оставлять в созданных для этой цели отделах специальных фондов. Доступ к ним был, как известно, крайне затруднен и ограничен: от читателя требовалось представить заверенное печатью особое отношение с места службы, в котором подтверждалось, что такие книги ему,

во-первых, необходимы для научной работы, а во-вторых — точно указывалась тема исследования и её хронологические рамки. Выход за эти пределы — по известному гулаговскому правилу: "Шаг влево, шаг вправо считается побег" — приводил к отказу в читательском требовании.

Для исследователя, получившего наконец доступ к необходимой литературе, мытарства не заканчивались: до конца 60-х годов, во всяком случае, он должен был делать выписки из книг только в особой пронумерованной тетради, не имея права выносить её из библиотеки без подписи под каждой страницей сотрудника спецхрана (точнее — прикомандированного к нему цензора).

Ирония и абсурд ситуации заключались также и в том, что даже в самом благоприятном случае исследователь не знал, что же ему делать с выписками из спецхранной книги, поскольку сослаться на неё в опубликованных трудах он не имел права. Если же он шел на риск и нарушал правило, такая ссылка все равно была бы непременно вычеркнута на стадии предварительного цензурного контроля, а издательство или редакция журнала, представившие неподготовленную рукопись, получили бы строгое предупреждение от местного Горлита.

В эпоху перестройки начиная с 1987 года началось постепенное возвращение арестованных книг в открытые фонды библиотек с целью передачи их в свободное пользование, хотя эта эпопея и затянулась в разных библиотеках на пять-шесть лет.

Просматривая упомянутые выше проскрипционные списки Главлита, каталоги спецхранов и архивные документы для подготовки цензурного индекса "Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991", [3] я не раз наталкивался на книги зарубежных писателей, подвергшиеся такой же участи.

По моим подсчетам, таких книг оказалось не менее сотни. Замечу, что речь идет лишь о переводах на русский язык; в задачи настоящей статьи не входит обзор нескольких сот запрещенных произведений иностранной литературы на 3 Запрещенные книги русских писателей и литературоведов: Индекс советской цензуры с комментариями. — СПб., Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2003. 414 с. языках оригиналов, также попавших в библиотечные узилища.

3 Запрещенные книги русских писателей и литературоведов: Индекс советской цензуры с комментариями. — СПб., Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2003. 414 с.

Каковы же были мотивы изъятия и состав соответствующих произведений зарубежных писателей?

Более или менее условно можно выделить два принципа, которыми руководствовались цензоры: "персонифицированный" и "содержательный". В первом случае осуждалось самое имя как таковое. Если перестать упоминать имя (или событие) — значит, ни того ни другого в реальности не существует. Более того, и не существовало никогда. Имени придавалось магическое значение, как в языческие времена.

В глазах сотрудников идеологического аппарата и цензуры советской эпохи тот или иной автор становился нелицом и подлежал распылению, если вспомнить термины, применявшиеся чиновниками Министерства правды в романе Джорджа Оруэлла "1984". К числу таких нелиц, если говорить о зарубежных писателях, относились те, кто поначалу с большим энтузиазмом, переходящим порой в восторг, относились к невиданному в истории "русскому эксперименту" и безоговорочно поверили в необходимость скорейшего "перестройства мира".

Как известно, такую позицию занимали многие европейские интеллектуалы "розоватого оттенка", среди которых встречались крупные писатели — Ромен Роллан, Бернард Шоу и ряд других, — остававшиеся на ней до конца жизни. Однако находились и "отступники", разочаровавшиеся к середине 30-х в строительстве новой утопии и расставшиеся с прежними иллюзиями. Их имена велено было предать забвению, а произведения — запретить.

Наиболее, пожалуй, характерна в этом смысле история, приключившаяся с Андре Жидом. В 20-е — первой половине 30-х переводы романов писателя довольно часто выходили в СССР. В 1926–1927 годах издательство "Academia" начало выпускать его собрание сочинений, но по не очень ясным причинам вышли только 1, 4 и 5 тома.

В 1933 году была напечатана даже почтовая открытка с портретом писателя и обращением к "молодым строителям СССР", в котором он благодарит "за ту великую надежду, которую вы вложили в наши сердца, и за ваш чудесный подвиг".[4]

4 Б.Фрезинский. "... Черт меня дернул влюбиться в чужую страну...". Пять сюжетов из истории франко-советских культурных связей // Всемирное слово, 2000. № 13. с. 77–83.

В 1935–1936 годах вышло в свет четыре тома из собрания сочинений под редакцией и с предисловием И.И. Анисимова. Пятый — выйти в свет не успел: набор был рассыпан.

Причина — в издании зарубежом в 1936 году "ренегатской" книги Жида "Возвращение из СССР", вскоре переведенной на русский язык и изданной зарубежными издательствами под названиями "Поворот в СССР" (Цюрих, 1937) и "Возвращение из Советского Союза" (Варшава, 1939). Обе они до начала 90-х годов находились в спецхране Российской национальной библиотеки. Заодно приказано было изъять и другие книги Андре Жида — изданные в СССР.

Понятно, что с тех пор ни одно его сочинение не могло выйти в свет в советских издательствах. Хотя "Краткая литературная энциклопедия" (КЛЭ) и поместила небольшую статью о нем в 1964 году, оценка творчества писателя не оставляла надежд на публикацию его книг в СССР даже в эпоху "оттепели", поскольку в его романах "изображение упадка капиталистического общества перерастает в проповедь

В середине 30-х, с наступлением фашизма, он "...выразил симпатии литературе социализма. Однако этот период был недолгим; буржуазно-мещанский индивидуализм взял верх. Неслучайно после посещения СССР в 1936 г. он выступил с антисоветских позиций".

И Верно: в отличие от Фейхтвангера, который поверил даже показаниям "врагов народа" на политических процессах того времени (о чем рассказал в книге "Москва 1937"), Андре Жид резко осудил практику строительства социализма в СССР.[5]

5 Впервые "Возвращение из СССР" появилось на страницах журнала "Звезда" (1989, № 8). Затем, в 1990 г., оно было опубликовано под одной обложкой с книгой Фейхтвангера — под общим названием "Два взгляда из-за рубежа" (Послесловие Н. Эйдельмана. — М., Политиздат.)

Впрочем, не повезло и книге Фейхтвангера, переведенной и изданной на русском языке под названием "Москва 1937: Отчет о поездке для моих друзей": со временем она также оказалась в советских спецхранах. Написана она была вскоре после поездки автора в СССР: в конце 1936-го — начале 1937 года. На немецком языке вышла в Амстердаме (писатель к этому времени эмигрировал из Германии).

Книга была издана "Гослитиздатом" с поразительной оперативностью и огромным тиражом: 200 000 экземпляров ("Сдано в набор 23 ноября 1937 г. Подписано в печать 24 ноября 1937 г."). Однако существует ещё одно, сугубо секретное издание, выпавшее из поля зрения исследователей, которое удалось обнаружить автору этих строк. Оно тоже было выпущено в 1937-м и тем же издательством, но с грифом на титульном листе: "Особое бюро НКВД. Перепечатка воспрещена".

Книга не подлежала рассылке даже по системе обязательного экземпляра и 5 Впервые "Возвращение из СССР" появилось на страницах журнала "Звезда" (1989, № 8). Затем, в 1990 г., оно было опубликовано под одной обложкой с книгой Фейхтвангера — под общим названием "Два взгляда из-за рубежа" (Послесловие Н. Эйдельмана. — М., Политиздат.) предназначалась ограниченному кругу лиц, что подтверждает указанный в учетно-регистрационных данных тираж: всего 250 пронумерованных экземпляров (РНБ располагает экземпляром № 14).

Это издание сдано в набор примерно за месяц (6 октября) и подписано в печать за три дня (21 ноября) до выхода указанного выше. Поскольку тексты обеих книг абсолютно идентичны, можно

предположить, что закрытое издание, рассылавшееся строго по списку, было предпринято с целью предварительного знакомства узкого круга компетентных лиц с книгой Фейхтвангера.

По-видимому, одобрение было получено на самом верху, после чего "Москва 1937" была выпущена массовым тиражом. Книги выходили с кратким предисловием издательства, предупреждавшим советского читателя:

В книжке содержится ряд ошибочных и неправильных оценок. В этих ошибках может разобраться советский читатель. Тем не менее книжка представляет интерес и значение как попытка честно и добросовестно изучить Советский Союз. В то время, когда буржуазные разбойники пера, в угоду империализму и фашизму, соревнуются в фабрикациях отравленной лжи и клеветы против СССР, Фейхтвангер старается доискаться объективной правды об СССР и понять его особенности.

В тексте Фейхтвангера чувствуется скрытая, а иногда и открытая полемика с вышеупомянутой книгой Андре Жида. В далекой молодости я слышал эпиграмму, сочиненную, надо думать, по свежим следам — сразу после событий 1937 года (не ручаюсь за её точность):

Стоит Фейхтвангер у дверей,
Стоит с унылым видом:
Боюсь, как этот бы еврей
Не оказался Жидом.

Нет, не оказался: посетив процесс "Анτισоветского троцкистского центра", начавшийся 23 января 1937 года, Фейхтвангер безоговорочно поверил в инсценировку. Он даже написал об этом в своей книге: Когда я услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились как соль в воде, под влиянием непосредственных впечатлений от того, что говорили подсудимые и как они говорили. Если все это было вымыслено или подстроено, то я не знаю, что тогда значит правда.

Фейхтвангер, впрочем, был несколько "смущен" той вакханалией, которая творилась вокруг имени Сталина, рискнув поместить в книге главу "Сто тысяч портретов человека с усами". И вскоре "Москва 1937" оказалась идеологическим и цензурным инстанциям "нежелательной" для открытого распространения.

Во-первых, потому, что даже очень мягко выраженное сомнение в правомерности культа вождя могло вызвать у читателей "неудобные" вопросы. Во-вторых, неоднократное упоминание в книге имен врагов народа — неважно в каком контексте — позднее также было признано вредным для читателя, тем более, что в кратких портретных зарисовках все-таки чувствовалось что-то человеческое. В-третьих, в небольших главках "Причина более строгой цензуры" и "Необходима ли цензура?"

Главлит усмотрел нежелательные выпады против своего ведомства: ...Государство может ставить художнику задачи, но я не считаю полезным, когда оно под более или менее мягким давлением принуждает художника к принятию на себя этих задач и к соблюдению генеральной линии. Я убежден в том, что художник лучше всего разрешает те задачи, которые он сам себе ставит. Кроме того, граждане Советского Союза настолько пропитаны политикой, что эта политика неизбежно сказалась бы в произведениях художников даже в том случае, если бы их и не принуждали к выбору непосредственно политических сюжетов.

В главе "Свобода слова в Советском Союзе", говоря о 125-й статье, принятой в 1936 году "сталинской" конституции, гарантировавшей, "в соответствии с интересами трудящихся", свободу слова и печати, Фейхтвангер не удерживается от плохо скрытой иронии: Однако практика показывает, что, несмотря на эти гарантии, со свободой слова и печати в Советском Союзе обстоит ещё далеко не идеально. Как я указал выше, некоторым писателям приходится часто вздыхать по поводу того, что политические власти водят их на поводку [поводке? — А. Б.], и мысль, что Платон

намеревался вообще изгнать из своего государства всех писателей, является для них слабым утешением.[6]

6 В.Паперный. Вера и правда: Андре Жид и Лион Фейхтвангер в Москве // Неприкосновенный запас, 2003, № 4. Запись беседы товарища Сталина с германским писателем Лионом Фейхтвангером. 8 января 1937 г. // Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов / Сост. Л. В. Максименков. — М., 2003. с. 444–460.

Запрет "Москвы 1937" не привел, впрочем, к пересмотру отношений с Фейхтвангером, чьи романы беспрепятственно издавались в СССР, причем огромными тиражами. Однако отношения с теми зарубежными писателями, которые с течением времени изменили прежним своим идеалам, сложились по-иному. Например, с американцем Джоном Дос Пассосом (1896–1970), о котором "старая" "Литературная энциклопедия" (ЛЭ) писала в 1930 году: "В 1928 г. посетил СССР и прожил в нем несколько месяцев.[7]

Был избран членом Международного бюро революционной литературы. После сближения с американской коммунистической интеллигенцией (Майкл Гольд и др.) и посещения СССР, начинает приближаться к идеологии революционной". Несмотря на то, что советская критика считала Дос Пассоса "пацифистом" и называла "художником радикальных слоев мелкой буржуазии", а также представителем "потерянного поколения", в начале 30-х его произведения часто издавались в Советском Союзе — не раз выходили отдельными изданиями ("Три солдата", "Манхэттен" и другие), публиковались на страницах журнала "Интернациональная литература".

В превосходных переводах Валентина Стенича[8] увидели тогда же свет первые две книги трилогии Дос Пассоса "U.S.A.", "1919-й" и "42 параллель". Заключительный том трилогии — "Big Money" — на русский язык не был переведен;

Валентин Осипович Стенич был арестован 14 ноября 1937 года Управлением НКВД по Ленинградской области по обвинению по статьям 58-8 (террористический акт) и 58-11 (организация контрреволюционного выступления) и расстрелян 21 сентября 1938 года в Ленинграде.

Да и сам Дос Пассос к этому времени из "прогрессивного писателя" превратился в "троцкиста" и "злобствующего антисоветчика".

7 См. сборник "Глазами иностранцев", в который вошел очерк Дж. Дос Пассоса "В дождливый день в Ленинграде".

8 Настоящая фамилия Сметанич (1897–1938).

Его имя было предано остракизму, поскольку он "...после Гражданской войны в Испании резко порывает с левыми кругами" и пишет книги "по своей тенденции — консервативно-охранительные", для которых "характерны антидемократические тенденции".[9]

9 Краткая литературная энциклопедия (КЛЭ), т. 2. — М., 1964.

Речь, очевидно, идет о трилогии "Округ Колумбия". Герой первой её части — молодой человек, отправившийся сражаться в Испанию на стороне республиканцев, но его обвиняют в отклонении от "партийной линии" и обрекают на гибель. В известной мере здесь заметна переключка с описанием революционных испанских событий в романе Хемингуэя "По ком звонит колокол", цензурная судьба которого в СССР на протяжении десятилетий складывалась по этой причине крайне неудачно.

Впрочем, с Дос Пассосом приключился один из очень редких для советской цензурной практики случаев: имя зарубежного писателя внесли в секретный "Список лиц, все книги которых подлежат изъятию из библиотек общественного пользования и книготорговой сети согласно приказам Главлита в период с 1938–1950 гг."

Тотальный запрет распространялся также на все произведения Луи Фердинанда Селина (1894–1961) и даже на само упоминание его имени. Впрочем, в переводе на русский в СССР выпел лишь один его роман — "Путешествие на край ночи", [10] поскольку, по словам автора статьи о Селине в КЛЭ, писатель "отразил [в нем] ужас буржуазного существования". Однако Селин, посетивший СССР в 1936 году, в том же году "...напечатал поклеп на коммунизм — памфлет "Моя вина"".

10 Перевод с франц. Ив. Анисимова. — М., ГИХЛ, 1934.

Тем самым подтвердилось тождество Селина и Бардаму, героя "Путешествия на край ночи", чью суть определил Горький на I Съезде советских писателей: "... не имея никаких данных "примкнуть" к революционному пролетариату, [Селин] вполне созрел для притяжения фашизма".

В годы войны Селин действительно сотрудничал с оккупантами, защищая фашистский режим. Обвиненный в коллаборационизме, он бежал в 1944 году в Германию, затем перебрался в Копенгаген, во Францию возвратился только в 1951-м и был амнистирован. В последнее время интерес к творчеству Селина возрос: выпел ряд не переведившихся ранее романов. [11] С 1994 года "Путешествие на край ночи" издано восемь раз.

11 См. журнал "Иностранная литература", 2001, № 9.

Переводные книги многих других зарубежных писателей изымали и отправляли в спецхраны выборочно — опять-таки главным образом все по тому же "персонифицированному" принципу. Цензоры распространяли его на все произведения, в которых в качестве литературного героя выводился, а то и просто упоминался реальный человек, объявленный персоной нон грата.

"Чемпионом" в этой области был, конечно, Троцкий: одно лишь упоминание его имени, опять-таки независимо от контекста и оценки его личности, приводило к уничтожению книги или в лучшем случае — если можно так сказать — к заточению в спецхраны. По этой причине были изъяты тысячи книг, выходявших в 20-е годы.

Так, можно назвать, например, книгу очерков датского писателя Мартина Андерсена-Нексе (1869–1954) "Навстречу молодому дню: Путешествие в Советскую Россию", изданную в 1925 году (оригинальное название "На рассвете"), которая была написана после поездки автора в СССР — "на родину пролетариата всего мира" в 1923-м. Писатель оправдывает все действия советской власти, в том числе и "красный террор": Когда Троцкого подвели к изуродованным трупам красноармейцев [за это описание книга и была запрещена. — А. Б.], он воскликнул: "Нашим величайшим преступлением была до сих пор наша чрезмерная мягкость!"

Красный террор был отчаянной отповедью народа, опутанного изменой и вероломством врагов. В СССР произведения Нексе потом издавались множество раз, в том числе и собрание сочинений в 10-ти томах (1951–1954).

Из-за предисловия Троцкого запретили пьесу французского поэта и драматурга Марселя Мартине "Ночь: Драма в 5 актах" (М., 1922). В 1923 году Всеволод Мейерхольд поставил её в Московском театре революции. Значительно переработанный Сергеем Третьяковым вариант пьесы получил новое название — "Земля дыбом". С 1923-го по 1925 год пьеса, посвященная "5-летию РККА и её вождю тов. Троцкому", шла 95 раз. Накануне ареста Мейерхольду пришлось признать этот спектакль ошибкой, тем не менее во время следствия постановку инкриминировали ему как "враждебный выпад". [12]

12 В.Э. Мейерхольд в русской театральной критике, 1920–1938 / Сост., статьи и примеч. Т. В. Ланиной. — М., 2000. с. 543–544.

И Мейерхольд, и Третьяков погибли в годы Большого террора. Книги Мартине после 1922 года в СССР не издавались, поскольку в конце 20-х он разочаровался в результатах русской революции: "В настоящее время Мартине примыкает к троцкизму, являя собой типичный пример перехода к мелкобуржуазной революционности, борющейся против пролетарской революции".[13]

13 Литературная энциклопедия, т. 7. — М., 1934. с. 25

Троцкий, вкупе с другими "врагами народа", стал причиной запрета известной книги Джона Рида "10 дней, которые потрясли мир". В русском переводе её стали публиковать с 1923 года и потом много раз переиздавали с предисловием Ленина. Но приказом Главлита № 2 от 2.02.1957-го велено было изъять и уничтожить все издания этой книги, вышедшие до 1957 года. Дав ей высокую оценку, автор статьи в Литературной энциклопедии[14] все же отметил в ней "...серьезные политические недостатки.

14 Литературная энциклопедия, т. 9. — М., 1935. с. 665

Недостаточное понимание вопросов стратегии и тактики революции, крупнейшие ошибки в ряде положений (переоценка роли Троцкого, штрейкбрехерства Каменева, Рязанова и др.) делают книгу не соответствующей требованиям современного советского читателя".

Первое издание Большой советской энциклопедии также отметило, что "...ценность книги в большой мере снижается благодаря неверной оценке автором отдельных исторических эпизодов и лиц".

Книга не раз подвергалась "кушоризации": сравнение текстов различных изданий позволяет проследить отношение советской цензуры к тем или иным деятелям и событиям революции.

Начиная с 30-х годов постепенно исчезает имя Троцкого, роли которого в октябрьском перевороте автор уделил немало места, позднее — имена Зиновьева, Каменева, Антонова-Овсеенко и других деятелей, ставших жертвами репрессий. В дальнейшем книга выходила в "очищенном" виде: все эпизоды, в которых фигурируют упомянутые деятели, опущены.

Публикация даже одного-двух привлечших внимание Главлита авторов в сборниках, посвященных современной западной литературе, неизменно приводила к изъятию последних. Так, в частности, попал в спецхраны сборник "Из польских поэтов: Поэмы и стихи" с предисловием М. Живова (он же автор переводов), изданный в 1932 году в серии "Библиотека "Огонька"".

Основная причина изъятия — включение двух стихотворений расстрелянного позднее Бруно Ясенского. Публикация его произведений стала также причиной запрета целого ряда других сборников. Понятно, что все отдельно изданные книги Бруно Ясенского,[15] приехавшего в СССР в 1929-м и расстрелянного в 1937-м и потому попавшего в упомянутый "Список лиц...", также были изъяты.

15 "Я жгу Париж", "Человек меняет кожу".

Запрет тех или иных произведений постепенно рождал эффект цепной реакции, снежного кома. Так, русские переводы произведений венгерских писателей гибли преимущественно из-за предисловий или простого упоминания имени Белы Куна, одного из руководителей Венгерской компартии.

Как известно, назначенный в 1920 году членом Реввоенсовета Южного фронта, он беспощадно расстрелял оставшихся в Крыму пленных офицеров армии Врангеля, но эти "подвиги" не помогли ему избежать расстрела в 1938-м.

Вследствие чего роман "Тисса горит" жившего в СССР с 1923-го по 1935-й Бельи Иллеша (1895–1974) был запрещен, так как с 1929-го по 1935-й книга выходила с предисловием Бельи Куна, да и мало того — "этот враг народа положительно упоминается в романе".[16]

16 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 551. Л. 56

Предисловие Бельи Куна привело также к изъятию романа румынского прозаика Максимилиана Каханы "Тактика" (М., 1933)... Число подобных примеров можно множить и множить.

Таким образом, частым поводом для запрета книг был, говоря на литературоведческом жаргоне, так называемый конвой (вспоминается в связи с этим сочиненный кем-то в годы застоя пародийный лозунг: "Искусство идет впереди, конвой идет сзади") — то есть предисловия, послесловия, вступительные статьи или примечания лиц, подвергшихся позднее политическим репрессиям.

Цензору было неважно, что в предисловиях, написанных с чисто "марксистских" — очень часто вульгарно-социологических — позиций, расставлены классово выверенные акценты. Главное, что этот текст принадлежит перу "врага народа"...

Но тут были свои тонкости. Поняв, очевидно, что вакханалия изъятий 1936–1938 годов может вообще оставить библиотеки без книг — даже специальных и учебных, — решено было прибегнуть к паллиативной мере. Главлиту приказано было отныне включать в циркулярные списки лишь авторские книги "врагов народа"; во всех же остальных производить "вычерки и исправления", оставляя их в общих фондах библиотек и даже в книготорговых предприятиях.

Целая армия библиотекарей под наблюдением цензоров занялась вычеркиванием и замарыванием имен "врагов народа", изъятием и заклеиванием портретов, изъятием — "выдиркой", по тогдашней терминологии — отдельных статей, глав и тому подобного. Сама техника такой работы расшифрована Уполномоченным СНК и начальником Главлита СССР в приказе № 329 "Об исправлениях в тексте", выпущенном ровно за месяц до начала войны — 22 мая 1941 года — и начинавшемся такими словами: "В нижеперечисленных книгах произвести следующие исправления..."

Перед экзекуторами была поставлена задача, звучавшая уже совершенно по-кафкиански: Все вышеуказанные исправления в книгах производить на месте в библиотеках, силами библиотечных работников под наблюдением цензоров. При удалении предисловий или целых статей обязательно производить соответствующие вычерки на титульных листах, в оглавлениях и, если необходимо, на обложках книг, удаляя все ссылки на вырезанные статьи и фамилии авторов.

Исправления производить тщательно и аккуратно с тем, чтобы, с одной стороны, нельзя было прочесть вычеркнутые слова или фразы, а с другой — чтобы не портить [! — А. Б.] внешнего вида книги и её содержания.[17]

17 Подробнее о технике "исправлений" см. в нашей книге: Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. — СПб., Академический проект, 2000. с. 113–115.

Такие книги, после проведенной над ними операции, казалось бы, должны были храниться в общих фондах библиотек. Однако, "на всякий случай", во избежание соблазна и возникновения недоуменных вопросов читателей, столкнувшихся с искаженными книгами, их отправляли с глаз долой — все в те же спецхраны.

Особенно пострадала от таких экзекуций знаменитая серия "Сокровища мировой литературы". В крупных библиотеках можно и сейчас встретить следы деятельности экзекуторов из цензурного ведомства. Из книг этой серии — мечты библиофилов — были выдраны листы, затушеваны или затерты до дыр имена переводчиков, авторов предисловий, составителей комментариев.

Почти полностью подверглись вивисекции издания античных классиков, переводчиком которых, как и автором вступительных статей и примечаний, часто выступал Адриан Иванович Пиотровский (1898–1937), арестованный и расстрелянный в 1937-м. Он перевел и подготовил к публикации как ряд отдельных пьес Аристофана ("Ахарняне", "Всадники", "Лисистрата"), так и несколько его сборников ("Театр", "Книга комедий" и другие); "Трагедии" и "Прикованного Прометея" Эсхила; с его вступительной статьей вышла "Книга лирики" Катулла и ряд других.

Приказы Главлита и пометки на карточках сохранившегося каталога спецхрана в Российской национальной библиотеке красноречиво свидетельствуют о принятой в то время методике устранения криминалов, как на специфическом языке контролеров назывались нежелательные имена и фрагменты текстов. Например: "Удалить с. 81, 168, 119, 313–322.

Иллюстрации между удаленными страницами сохранить. Вычеркнуть упоминания Пиотровского и его книг на 455 с. (строки 6, 7, 10, 11 сверху); "Удалить с. 7–50, 55–62, 141–148, 235–242, 339–344, 437–444. Склеить с. 313–322"; "С. 648 и 649 склеить. — Криминалы (!) отпали" (это означало, что книги реабилитированного в 1956 году Пиотровского можно вернуть в открытые фонды, пусть и в таком изуродованном виде).

На ряде изданий Аристофана лежала двойная "вина" — ведь кроме имени Пиотровского, на титульных листах указывалось: "Режиссерские указания С. Радлова", проведенного восемь лет в лагерях.

Подобная же операция производилась и над книгами других издательств. Изъято, например, одно из многочисленных изданий романа Джека Лондона "Железная пята" — только за то, что автором предисловия был Карл Радек. Попал в поле зрения роман "Земля" американской писательницы Перл Бак, получившей за него в 1938 году Нобелевскую премию по литературе. Приказ: "Удалить послесловие С. Третьякова, удалить с. 311–318. Склеить с. 310 с послед. страницей" (о погибшем Сергее Третьякове говорилось выше). Да и сами романы Перл Бак позднее не выходили в СССР: согласно статье о ней в Краткой литературной энциклопедии, написанной Л. З. Копелевым, Перл Бак в своих публицистических статьях и выступлениях, "...резко полемизируя с коммунистами, проповедует принципы абстрактного христианского демократизма".

Из романа Бальзака "Цезарь Бирото" (под таким названием в русском переводе вышел в 1928 году в издательстве "Прибой" роман "История величия и упадка Цезаря Бирото, владельца парфюмерного магазина...") велено было "удалить предисловие". При обращении к экземпляру Российской национальной библиотеки выяснилось, что вырезано предисловие Виктора Сержа.

Под таким псевдонимом выступал Виктор Львович Кибальчич (1890–1947) — литератор, активный участник политических движений и событий в Бельгии, Франции, Испании и СССР. Племянник известного народовольца, сын иммигрантов из России, переселившихся в конце XIX века в Бельгию, в молодости он примыкал к анархистам.

Затем сделал крен в сторону большевизма: приехав на родину предков в 1919 году, даже возглавил журнал "Коммунистический Интернационал". Его имя фигурирует в "Списке лиц..." (с уточнением: "политическая и социально-экономическая литература") по причине "вероотступничества": его дважды арестовывали и исключали из партии, затем он эмигрировал. В

прочем, в 1928-м, в пору написания предисловия, он, играя по всем принятым тогда правилам, закончил его так: "В этой книге Бальзак является одновременно историографом, романистом и идеологом победоносной буржуазии XIX века. И в этом смысле "Цезарь Бирото" — первоклассный социальный роман".

Как ни курьезно, под запрет попал и "Робинзон Крузо. Новая переделка для рабоче-крестьянской молодежи" (Л., Прибой. Сектор "Юный пролетарий", 1925). Вышла книга под редакцией и с предисловием Златы Ионовны Лилиной (1882–1929), деятельницы революционного движения,

члена партии с 1902 года, занимавшей в советское время ряд видных постов, в частности, в Главполитпросвете. Репрессиям Лилина не подвергалась, но её имя, как жены Г. Е. Зиновьева (к тому же она была сестрой Ильи Ионова (1887–1942), заведующего Госиздатом РСФСР, арестованного в 1937-м и умершего в Севлаге), часто служило формальным основанием для запрета той или иной книги и было внесено в "Список лиц..." с пометкой: "Партийная тематика и детская литература". Лилина находит в романе ряд "ошибок":

Первая и самая крупная ошибка заключается в том, что автор бросает Робинзона совершенно одного на необитаемый остров. Человек — животное общественное, никогда в одиночку не жившее. Автор "Робинзона Крузо" представляет дело так, будто Робинзон в течение долгого времени хорошо себя чувствует и без людей. И только впоследствии ему стало скучно одному...

Ошибка автора в том, что он приписывает одному лицу — индивидууму — героические поступки и совершенно забывает про то, что человеческую историю делали не герои, не отдельные люди, не цари, не полководцы и не отдельные ученые, а масса трудящихся, трудовой народ: охотники, земледельцы, рабочие... Труд всего общества, коллективизм, коммунизм доведут человечество до того счастливого состояния, которое мы видим в последней главе (там он устраивает на разумных началах жизнь переселенцев на острове).

Нередко инициатива запрета поступала "снизу" — в порядке проявления бдительности. Вот лишь два красноречивых примера. 21 марта 1953 года, как свидетельствуют документы архива расформированного спецхрана Российской национальной библиотеки, её директор В. Н. Барашенков обратился в ленинградский Горлит с таким запросом:

По сведениям иностранной прессы, негритянский писатель Ричард Райт стал на путь ренегата и ведет антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду. В библиотеке имеются следующие советские издания произведений Ричарда Райта: 1. Дети дяди Тома. М., Госполитиздат, 1939. 2. Утренняя звезда. Рассказ из жизни негров в южных штатах Америка. М., 1938. ("Библиотека "Огонька"). Кроме того, по списку Берлинского магистрата, в числе авторов, все произведения которых подлежат изъятию из общего пользования, значится Эрнст Глезер как ренегат... Просим Вашего указания, как поступить с произведениями Р. Райта и Э. Глезера.

Далее он указывает на пять книг Глезера в русском переводе, в том числе роман "Мир" (М., ГИХЛ, 1933). Примечательно также, что директор ссылается на проскрипционные списки Берлинского магистрата, составившего их наподобие "наших", главлитовских. Ленгорлит согласился с мнением дирекции:

Все произведения Эрнста Глезера подлежат изъятию из общих фондов. Произведения Р. Райта Вам подлежит просмотреть поэкземплярно с представлением в Ленгорлит на книги с политическими дефектами соответствующих заключений.

В результате в каталоге спецхрана появилась карточка: "Глезер Эрнст. Изъять все произведения". К Ричарду Райту (1908–1960), "негритянскому писателю США, члену Американской коммунистической партии" (Краткая литературная энциклопедия, т. 6. — М., 1971. с. 166) все-таки не решились принимать крайние меры: его книги оставлены в общих фондах, потому, быть может, что в его произведениях "...показана судьба молодого негра, обреченного на духовное одичание и гибель, и, несмотря на натурализм, сила романов Р. - в ненависти художника к социальному строю, уродующему человеческую личность".

В силу этого, в 1962 году, уже посмертно, в русском переводе вышел его сборник "Рассказы".

Число книг зарубежных писателей, запрещенных по такому, "персональному", признаку, можно увеличить в несколько раз. Что же до книг, попавших в спецхраны по "содержательному" мотиву, то количество их сравнительно невелико.

Советские цензоры были натренированы, можно сказать, "натасканы" главным образом на поиск криминальных имен: подобно тому, как во время корриды бык не обращает внимания на главных своих противников и мучителей — тореадоров, а исключительно на красную тряпку, так и цензоры реагировали преимущественно на имена, в сравнительно редких случаях "нападая" на содержание. Да и разобраться в нем, учитывая их крайне низкий образовательный и интеллектуальный уровень, им было не под силу. Тем не менее укажем на ряд таких книг.

Пострадало, например, первое издание книги Герберта Уэллса "Россия во мгле", выпущенное в Харькове в 1922-м. Как известно, написана она в 1920-м после посещения писателем России и беседы с Лениным. Несмотря на то, что к новому "эксперименту" и "кремлевскому мечтателю" Уэллс относился скорее сочувственно, признав во время второго посещения Москвы в 1934 году, что планы Ленина стали "реальностью", издание 1922 года оказалось в спецхране.

Примечательно также, что "Россия во мгле" до 1958 года издавалась лишь единожды, да и то — в харьковском, а не центральном издательстве. Неслучайно она привлекла интерес эмиграции и была в 20-е дважды издана на русском языке за рубежом (оба издания, естественно, оказались в спецхранах). Формальным основанием запрета послужило частое упоминание Уэллсом репрессированных позднее вождей (Зиновьева, Рыкова и других), однако и само содержание книги могло смутить цензоров.

Такой, например, пассаж: Я должен признаться, что мой пассивный протест против Маркса превратился в России в активную ненависть. Повсюду, куда мы только ни ходили, мы видели статуи, бюсты, портреты Маркса... Вездесущее присутствие бороды Маркса меня все более раздражало, и меня терзало острое желание обрить его.

Текст многочисленных изданий, предпринятых после 1958 года, подвергался тщательной редакции, приведшей к изъятию все тех же "неудобных" имен и ряда фрагментов. Снабжалась она предисловием Г. К. Кржижановского, в котором разъясняются причины "ограниченности" и "заблуждений" Уэллса.[18]

Оказался под запретом вполне невинный "роман для детей" немецкого писателя Вольдемара Бонзельса (1881–1952) "Приключения пчелки Майи" (Петроград, Госиздат, 1923).[19]

18 В более или менее аутентичном виде текст книги опубликован в сборнике Г. Уэллса "Россия во мгле", подготовленном знатоком его творчества Ю. И. Кагарлицким в сопровождении предисловия академика И. И. Майского (М., Госполитиздат, 1970).

19 В 20-е годы в СССР вышел ряд книг Бонзельса, в том числе трижды издавался указанный выше роман.

Книга приобрела большую популярность ещё в дореволюционной России: первое издание опубликовано в Москве в 1914 году. Аллегорически изображая отношения в мире людей, автор повествует об опасных приключениях пчелы Майи, её друзьях и врагах, о том, как она "спасала свой народ". По-видимому, цензоры нашли в первом советском издании мотивы, которые сочли неподобающими в книге для детей младшего школьного возраста. Во-первых, "царистские".

Пчела сообщает о себе: "Я живу в замковом парке. Наша царица Елена VIII".

Пчелы подхватывают: "Во имя права и справедливости, во имя Царицы, защищайте государство!" До неё доносятся "слова старой боевой песни пчел":

Солнце, солнце! Ты наш путь
Освети лучами.
Нам Царицу сохрани,
Мир да будет с нами!

Во-вторых, "религиозные". Насекомые распевают:

Ведь душа моя — дыхание
Мира вечной красоты.
Дивны Божии черты,
Дивно каждое создание!

Также же "религиозные" мотивы нашли, должно быть, цензоры и в книге шведской писательницы, лауреата Нобелевской премии 1909 года Сельмы Лагерлёф — "Легенды о Христе", — изданной ещё до революции, в 1911-м; вообще-то, это было большой редкостью в практике Главлита.

Книги Лагерлёф пользовались огромной популярностью в России в начале XX века, в 1910 году издательство Саблина даже выпустило 10-томное собрание её сочинений. Если не считать детской книги "Путешествие Нильса по Швеции" (в русских переводах "Путешествие Нильса с дикими гусями"), в советское время произведения Лагерлёф практически не печатались, что и понятно. Сельма Лагерлёф, по словам автора статьи в ЛЭ, — "...одна из самых реакционных писательниц конца XIX — начала XX вв... Социализм для Л. - это последний величайший искус антихриста".[20]

20 Литературная энциклопедия, т. 6. — М., 1932. с. 23.

В более мягкой форме такая оценка выражена в КЛЭ:[21] "Л...ищет выход в религиозно-идеалистической программе духовного самообновления". По-видимому, религиозные мотивы и послужили причиной запрета книги.

21 Краткая литературная энциклопедия, т. 3. — М., 1966. с. 963

До 1917-го "Легенды о Христе" выдержали 7 изданий (И. Д. Сытин, М. Кнебель, братья Сабашниковы и так далее); в приказе Главлита уточняется, что запрет касается "всех дореволюционных изданий". После отмены цензуры в 1991 году в России "Легенды..." были несколько раз выпущены современными издательствами.

Пострадали некоторые произведения, принадлежащие перу писателей, живших в "странах народной демократии". Поначалу (до 1948 года), пока отношения СССР с Югославией были безоблачными, прославлялись подвиги югославских партизан и "лично" Иосипа Броз Тито.

Когда же отношения испортились, а самого Тито объявили "наймитом империализма", начальник Главлита тотчас же подготовил список книг, посланный на утверждение в ЦК КПСС: Представляю список книг, в которых содержатся положительные высказывания о Тито, либо в которых Югославия характеризуется как страна народной демократии. Главлит просит разрешения издать приказ о запрещении продажи в книготорговой сети и выдачи в библиотеках перечисленных в прилагаемом списке книг.[22]

22 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 319. Л. 117.

После восстановления отношений с Югославией в 1956-м такие книги, казалось бы, должны были вернуться из спецхранов, но про них забыли. Зато попали в него те, в которых разоблачался "крававый режим Тито-Ранковича", изданные между 1948-м и 1953 годом.

Таким образом, в спецхранах одновременно могли находиться как произведения, прославляющие Тито, так и проклинающие его. Когда портились (или, наоборот, восстанавливались) отношения с Албанской и Китайской народными республиками, модель изъятия книг была примерно такой же.

Так, в частности, оказались под запретом "Албанские поэмы", переведенные Давидом Самойловым, поскольку в тексте и примечаниях переводчика названы многие деятели Албании, подвергнутые в СССР остракизму, такие, как Энвер Ходжа и другие.[23]

23 В результате запрету подверглись книги Сергея Михалкова, Льва Кассиля, Ник. Тихонова; подвергся нападкам даже получивший Сталинскую премию роман Ильи Эренбурга "Буря", поскольку в нем "солдаты Тито характеризуются как герои".

Совершенно нетерпимым, наконец, было отношение советских цензоров к "нездоровой эротике" и ненормативной лексике, под что подводились порой самые невинные вещи.[24]

24 См. об этом: Б. Гишар. Борьба с порнографией при царской и большевистской цензуре в начале XX века: попытка сравнения // Цензура в России: История и современность. Вып. 3. — СПб., 2006. с. 142–158

Ещё Пушкин пытался "... всё так изъяснить, чтоб совсем не рассердить богомольной важной дуры, нашей чопорной цензуры" (кстати, Р.В. Иванов-Разумник в письме своему издателю П. Витязеву в 1923 году слово "богомольной" заменил на "большевицкой").[25]

25 Белоус В. Г. "Скифское", или трагедия "мирозрительного отношения" к действительности // Звезда. 1991. № 1. с. 163.

Крайний пуританизм, которым всегда отличалась российская цензура, в советское время был доведен уже до совершеннейшего абсурда. Так, например, "неприличной" была признана повесть австрийского классика Артура Шницлера (1862–1931) "Барышня Эльза", выпущенная ленинградским издательством "Сеятель" в 1925 году. Приказ Главлита № 8 за 1951 год характеризует мотив её изъятия предельно кратко: "Бульварно-порнографическая новелла". На самом же деле, повесть представляет собой исповедь истеричной барышни и не более того.

Под такую же "статью" подведен рассказ Оскара Уайльда "Царь Жизни", лишь единожды изданный в России — опять-таки до революции — в 1908-м. "Апологет аморального эгоизма и праздности... <...>...высшие натуры" которого наделены "утонченной извращенностью",[26]

26 Литературная энциклопедия, т. 11. — М., 1939. с. 478.

Уайльд признан после революции "вредным" писателем, в силу чего его произведения практически не печатались до 1960-го, когда вышел двухтомник, подготовленный А. Аникстом. В вышеупомянутом рассказе найдены элементы порнографии, причем с гомосексуальным оттенком.

А повествуется там о страстной "греховной" любви аббата к подростку, заканчивающейся трагически: двойным самоубийством — не в силах справиться со своей страстью, аббат дает испить юноше из чаши с отравленным напитком, а затем и сам принимает яд (такие вот новые Ромео и Джульетта).

Выше нами была названа едва ли десятая часть переведенных на русский язык книг, которые оказались в узилищах спецхранов.[27]

27 Автором подготовлен к изданию справочник "Индекс запрещенных книг советской эпохи", куда и войдут описания сотен книг зарубежных авторов. Очень выборочно они представлены в списке "Index Librorum Prohibitorum зарубежных писателей" (Новое литературное обозрение, 2008, № 92).

Политика тотального "библиоцида", неуклонно проводившаяся в течение трех четвертей века, привела к невиданному в истории опустошению книжных запасов и как следствие — к существенному снижению интеллектуального и духовного потенциала страны. Результаты

массового истребления книг чувствуются до сих пор и, возможно, будут сказываться ещё долгое время. Очень точно сказал об этом Иосиф Бродский в предисловии к "Избранной прозе" Марины Цветаевой, вышедшей по-русски в 1979 году в Нью-Йорке:

Теоретически достоинство нации, уничтоженной политически, не может быть сильно унижено замалчиванием её культурного наследия. Но Россия, в отличие от других народов, счастливых существованием законодательной традиции, выборных институтов и т.п., в состоянии осознать себя только через литературу, и замедление литературного процесса посредством упразднения или приравнивания к несуществующим трудам даже второстепенного автора равносильно генетическому преступлению перед будущим нации.

Лучше поэта не скажешь...